

Головнева Е.В.

*Санкт-Петербургский государственный университет; Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
191124, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Смольного, д. 1/3, 9-й подъезд
199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 3
golovneva.elena@gmail.com*

Антирелигиозный фильм в СССР (по материалам кинопериодики конца 1920-х – начала 1930-х гг.)

Аннотация. В статье на основе данных кинопериодики рассматривается малоизученный в научной литературе феномен советского антирелигиозного фильма, получившего оформление и развитие в 1920–1930-е гг., в том числе, в рамках реализации проекта «Киноатлас СССР» (1928–1932), призванного продемонстрировать на экране социалистические преобразования среди этнографических и религиозных групп Союза. Показано, что теоретические и практические поиски в области антирелигиозного кинематографа в СССР были вызваны причинами политического и идеологического характера, происходили в контексте изучения западных аналогов антирелигиозного кино, но имели свою специфику, связанную с самобытностью развития кинотворчества в Советской России. Установлено, что на фоне определённых трудностей создания и демонстрации антирелигиозного кино в первые годы его существования была предложена методика его киноформления в 1920–1930-е гг. Она включала в себя: марксистско-диалектическое учение в качестве теоретического основания кинопроизводства, проведение экспедиционной работы и профессиональное научное консультирование, выработку нового киноязыка, развитие жанра «художественного документализма», дополнение антирелигиозных фильмов производством и показом этнографических, «антиалкогольных» и научно-популярных (научных) картин, расширение нового метода пропаганды – «антирелигиозных кинопередвижек», сопровождаемых дополнительными практиками для усиления эффекта агитационной работы и разъяснения киноязыка (лекция, выставка, диспут, игра и др.). Делается вывод о том, что благодаря теоретическим разработкам в сфере производства и киноформления антирелигиозного материала антирелигиозные фильмы 1920-х – 1930-х гг. сформировались как уникальное и интересное явление в раннесоветской истории и кинематографии.

Ключевые слова: история СССР, кинематограф 1920–1930-х гг., антирелигиозный кинематограф, советская идеология, антирелигиозная пропаганда в СССР

Elena V. Golovneva

*St. Petersburg State University; Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of RAS
entrance 9, 1/3 Smolny str., St. Petersburg, 191124, Russia
3 Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russia
golovneva.elena@gmail.com*

Anti-Religious Film in the USSR (Based on Film Periodicals of the Late 1920s – Early 1930s)

Abstract. The article deals with the unexplored in the academic literature phenomenon of the Soviet anti-religious film which received formalization and development in the 1920s – 1930s within the project “Cinema Atlas of the USSR” (1928–1932), devoted to the socialist transformations among the ethnographic and religious groups of the Union. The author argues that theoretical and practical searches in the field of anti-religious cinema in the USSR were caused by political and ideological reasons. They took place in the context of studying Western analogues of anti-religious cinema, but had their own specifics due to the originality of the development of filmmaking in Soviet Russia. Against the background of certain difficulties in creating and demonstrating anti-religious cinema in the early years of its existence, a film methodology was proposed in the 1920s – 1930s. It included: the Marxist-dialectical teaching as the theoretical basis of film production, conducting expeditionary work and professional scientific consulting, developing a new cinematic language, the development of the genre of “artistic documentary”, the addition of anti-religious films by the production and screening of ethnographic, “anti-alcohol” and popular science films, the expansion of a new method of propaganda – “anti-religious cinema vans”, accompanied by additional features to enhance the effect of propaganda work and clarify the film language (lecture, exhibition, dispute, game, etc.). The author concludes

that, thanks to theoretical developments in the production and film design of anti-religious material, anti-religious films of the 1920s – 1930s became the unique and interesting phenomenon in early Soviet history and cinematography.

Key words: history of the USSR, cinema of the 1920s – 1930s, anti-religious cinematography, Soviet ideology, anti-religious propaganda in the USSR

Важным содержательным этапом в становлении советского кино являлся показ на экране социалистических преобразований, разворачивающихся в различных областях Союза. В «пятилетку культурной революции» (1928–1932) был запущен масштабный проект «Киноатлас СССР» как политико-просветительский документальный киноальманах, рассказывающий отечественному и зарубежному зрителю о социалистическом строительстве в различных регионах многонациональной страны Советов [Головнев, 2020]. Серия фильмов «Киноатласа СССР» призвана была наглядно продемонстрировать воплощение поставленных перед кинематографией задач, ориентированных на то, что советское кино должно стать не только «зрелищным» мероприятием, но и важнейшим фактором научной, технической, учебной и политической пропаганды [Коробков, 1933, 15; Бродянский, 1930].

Значимую роль в реализации проекта «Киноатлас СССР» должен был сыграть и антирелигиозный кинематограф в качестве эффективного средства борьбы с одним из главных «пережитков» буржуазного мира – религией [Аринин, 2017, 10; Головнева, Головнев, 2021]. Производство антирелигиозного кино осуществляли ведущие киностудии страны, а контроль над созданием и распространением антирелигиозных фильмов был возложен на Союз воинствующих безбожников (СВБ) [Устав, 1930]. На рубеже 1920–1930-х гг. центральные, республиканские и областные советы СВБ вели активную издательскую деятельность (издавалось около 40 антирелигиозных журналов и газет [Лучшев, 2016, 181]), а ячейки СВБ для организации специальных «антирелигиозных кинопередвижек» в сельской местности были развернуты во всех регионах Советского Союза. Задача превращения кино «в орудие ПОВСЕДНЕВНО, шаг за шагом, штурмующее цитадели религии» [На штурм, 1930], возлагалась также на ячейки Общества друзей советского кино (ОДСК).

Как отмечал председатель Союза безбожников Е. Ярославский на первом Всесоюзном съезде корреспондентов газеты «Безбожник»: «Мы мало использовали кино. Мы должны специально обратиться к нашим кинематографическим организациям и Главполитпросвету с просьбой создать несколько антирелигиозных фильмов, но создать такие антирелигиозные фильмы, которые бы опять-таки соответствовали бы линии, которую мы в данный момент ведём» [Спутник, 1930]. Этот призыв поддержал организатор кинопроизводства и режиссёр В.Л. Степанов, заявив о том, что «создание антирелигиозной фильма – вопрос сегодняшнего дня, вопрос, не требующий ни минуты отлагательства» [Степанов, 1928, 20]. А известный режиссёр А. Довженко эмоционально определил антирелигиозный кинематограф как необходимое средство борьбы с «кулаком и попиком» [Довженко, 2011, 206]. Директивы Всесоюзного партсовещания по кино в 1928 г. декларировали политическую, культурную и экономическую важность кинофикации деревни в деле борьбы с религиозными предрассудками.

Особая роль в антирелигиозной пропаганде отводилась союзу прессы и кино. Основатель советского киноведения социолог Н.А. Лебедев обратил внимание творческих работников в сфере кино на необходимость использования опыта партийной прессы (при всём различии между газетой и экраном) и призвал учитывать при создании фильмов многие формы её работы [Лебедев, 1974, 201]. В результате кинопериодика и кинопроизводство в 1920–1930-е гг. становятся взаимодополнительными факторами в развитии агитации и пропаганды. В газетных и журнальных статьях рассматриваются значимые методологические проблемы документального и игрового кино, обсуждаются вопросы специфики его существования в широком историческом и эстетическом плане. В этом отношении кинопериодика 1920–1930-х гг. становится важным источником для понимания процессов развития разных жанров советского кинематографа, а её анализ представляет особый интерес для исследования советского антирелигиозного фильма.

Материалы кинопериодики 1920–1930-х гг. свидетельствуют о том, что вопрос о необходимости срочного создания антирелигиозных картин в 1920-х – 1930-х гг. как правило, актуализировался в преддверии религиозных праздников, когда особенно ощущалась нехватка уже имеющихся инструментов пропаганды. Кинотеатрам в дни религиозных праздников предписывалось «перехватить тысячи верующих, направляющихся в церковь», а киносеансы на улицах и площадях должны были «задержать целые толпы молельщиков» [На штурм, 1930]. К проведению антирелигиозных кампаний в дни праздников в кинотеатрах открывали уголок безбожника, украшали помещение антирелигиозными плакатами и лозунгами, а после показа устраивали вечер с массовыми играми и танцами. В организации антирелигиозных показов активно участвовали и лекторы, разъяснявшие аудитории опасность религиозных предрассудков [Там же]. Между кинотеатрами устраивались соцсоревнования на организацию лучшего религиозного киновечера [Кино, 1928].

Различные киностудии Союза включили в свой производственный план выпуск художественных и документальных антирелигиозных картин, и в сегменте советского кинопроизводства в конце 1920-х – начале 1930-х гг., наряду с фильмами, отражающими быт и религиозные верования различных народностей Союза, были созданы фильмы с ярко выраженной антирелигиозной направленностью. Первой советской антирелигиозной картиной был фильм «Чудотворец» (1922, Ленинградкино) режиссёра А.П. Пантелеева. Впоследствии появились фильмы: «Дело с застёжками», «Крест и маузер», «За монастырской стеной», «Овод», «Старец Василий Грязнов», «Хозяин черных скал», «Когда пробуждаются мертвые» и др. Из списка антирелигиозных картин непосредственно в «Киноатлас СССР», по мнению разработчика проекта Н. Коробкова, должны были войти как «культурфильмы» «Алтай-Кизи», «Байкал», «К берегам Тихого океана», «Лесные люди», «Сердце Азии», «Купол ислама», «Олений всадник», «Джим Шуантэ», так и игровые картины «Потомок Чингис-хана», «Игденбу» [Коробков, 1933, 20–21].

Как свидетельствуют данные кинопериодики конца 1920-х-начала 1930-х гг., выпуск антирелигиозных картин с самого начала сопровождался рядом сложностей. Во-первых, при показе фильмов в рамках антирождественских и антипасхальных кампаний не учитывался тот факт, что ряд национальностей не имел представления о Рождестве и Пасхе. Периодически подвергалось критике кадровое и техническое оснащение работы по демонстрации антирелигиозной фильму. В первом случае – национальные окраины и «провинция» нуждались в грамотных антирелигиозных пропагандистах, которые самостоятельно могли читать периодику и прорабатывать безбожную литературу (в том числе естественниках, физиках, преподавателях точных наук). Относительно же технического обеспечения демонстрации фильмов отмечалось, что на местах «обычно берут кусок полотна, кое как подвешивают его и на плохих аппаратах начинают накручивать фильму. Экран пляшет, плохо видно и такие сеансы не достигают своей цели. Нужно серьезнее отнестись к организации сеансов на открытом воздухе, снабдив их хорошими экранами и аппаратурой» [Кино, 1928].

Во-вторых, эффективность антирелигиозных картин подвергалась критике в силу низкого качества последних. Отсутствие предварительной работы на местах, неумелое использование религиозного материала, неверная трактовка вопросов в антирелигиозном кино, как отмечали критики, часто приводила к обратному результату – кино оказывалось на службе религии [Сухаревский, 1930]. Приводилась в пример картина «Отец Сергей», выпущенная в прокат к Рождеству и ставшая неожиданно своеобразной агиткой в пользу сектантства, когда, как писали в прессе, «вся гниль, где-то пропадавшая без вести, вдруг зашевелилась, сбросила с себя вынужденную слячку и валом поплёрла в кинотеатры смотреть свой социальный заказ» [«Отец Сергей», 1928].

В-третьих, советское антирелигиозное кино критиковалось за то, что «проигрывало» западному. Антирелигиозное кино на Западе, как писали в прессе, демонстрировало удивительную «приспособленность к потребностям западной буржуазии» и, соответственно, заинтересованность западных режиссёров в создании антирелигиозных кинолент [Олещук, 1929]. Даже такая маленькая страна, как Бель-

гия, во главе с духовенством работала над по созданию «центра католической филь-мы», которая выпускала школьно-религиозные и политико-просветительские филь-мы [Кино, 1928]. В СССР же, при колоссальном спросе на антирелигиозную филь-му, выпуск таких картин в 1920–1930-х гг. продолжал носить крайне эпизодический и случайный характер. Так, в 1931 г. список рекомендованных антирелигиозных картин насчитывал всего 18 названий, что не позволяло в достаточной мере развернуть широкую работу по обслуживанию коммерческих кинотеатров и рабочих клубов. Союзкино в 1931 г. выпустил только одну новую антирелигиозную картину «Мумия», а Межрабпомфильм – ни одной [Кино, 1931].

Исходя из этого, подчёркивалась необходимость решения задачи по изменению настроения советских кинороботников, создания «ударных антирелигиозных бригад» [Олещук, 1929] и, что особенно важно, – разработки методики создания антирелигиозных фильмов. Задача разработки такого подхода, в частности, была определена теоретиком кино, написавшем более ста сценариев к документальным, художественным и учебным фильмам, – Л.М. Сухаребским. В 1930 г. он прямо заявлял, что выпускаемые антирелигиозные фильмы «не стоят в тесной связи друг с другом и не образуют единого языка, единой стройной системы в общей линии борьбы с религией» [Сухаребский, 1930]. Для решения возникших проблем необходимо было проведение планомерной методической работы, поиск режиссёрами методологии, направленной на разработку эффективной *советской антирелигиозной филь-мы*, обладающей ярким агитационно-пропагандистским эффектом.

Теоретические поиски в области методики создания антирелигиозного кинематографа получили развитие в периодике и безбожной литературе конца 1920-х – начала 1930-х гг. Они содержали в себе не столько сами отзывы на фильмы, сколько инструкцию методического характера, ориентированную на советских режиссёров, работающих в жанре антирелигиозной филь-мы [Беляев, 1930; Шагурин, 1930, 10; Путинцев, 1930, 81]. С одной стороны, эти критические рецензии на фильмы отражали общую линию антирелигиозной пропаганды, направленную на анализ и нейтрализацию средств и приёмов, которые могут использовать идеологические противники. С другой стороны, обращение к данным материалам позволяет в настоящее время обозначить, как представляется, несколько направлений в развитии антирелигиозного кино 1920–1930-х гг., определивших специфику его функционирования, в том числе, в сравнении с зарубежными антирелигиозными картинами того времени.

Во-первых, поскольку «религия является общественным явлением, требующим совершенно особых методов, особых подходов и форм борьбы с ним» [Шагурин, 1930, 8], в качестве теоретического основания производства антирелигиозных филь-мов был заявлен не антиклерикализм, а марксистско-диалектическое учение, направленное против классовый сущности религии. В этнографии и религиоведении ставились такие задачи, как создание марксистской науки о религии и картографирование различных религиозных групп СССР (создание религиозно-бытовых карт) [Маторин, 1934, 2], в кинематографе – задача их кино-картографирования на основе марксистско-диалектического учения. Основной акцент в фильмах следовало сделать на борьбе со старыми формами быта (традициями, суевериями), разъясняя возможности, смысл и пользу новых форм, призывая к ломке старых устоев и созданию новых: коллективизации, культурным методам обработки земли, замене церковных праздников праздниками труда, замене церковного брака гражданским и т.д. [Кино, 1928].

Во-вторых, можно говорить о том, что среди режиссёров, снимавших антирелигиозные филь-мы, к началу 1930-х гг. сформировались две группы: первая, выполняя идеологический заказ, стремилась лишь разоблачать религию, вторая – в поисках «документальности» стремилась её изучать. Для создания антирелигиозных (как и этнографических) кинокартин второй группы требовались натурные съёмки, проведение экспедиционной работы, привлечение научных консультантов. Разрабатывая проект по кинодокументированию регионов и народов СССР, группа ленинградских работников выдвинула предложение использовать для за съёмки этнографических и религиозных групп – по работам Госплана – научные и исследовательские экспедиции. В течение десятилетия Академия Наук с целью кинофик-

сацией национальных «окраин» Союза отправила более 350 экспедиций, и подобную работу предлагалось продолжить [Знаменский, 1930]. В идеале, по мысли теоретиков кино, снимать антирелигиозную культурфильму должны были сами же научные работники. Отмечалось, что «научные работники должны в обязательном порядке научиться киноискусству; кино должно занять такое же большое место в научно-исследовательских учреждениях, как фотография» [Маторин, 1934].

Процесс взаимодействия между теми, кто занимался исключительно агитпропом, и теми, кто проводил научные исследования, был довольно сложен [Шахнович, Чумакова, 2016, 16–17]. Но в любом случае от кинематографистов требовалось освоить метод непосредственного наблюдения жизни религиозных течений и организаций, развить привычки работать в поле и на местах, вести диалог с научными работниками, взаимодействие с которыми могли дать «особенно ценные результаты и для разработки отдельных насущнейших тем, и для выпрямления общей линии советской научной кинофильмы» [Роом, 1930]. Антирелигиозные картины планировалось создавать, таким образом, в ходе этнографических экспедиций по изучению «религиозного состояния СССР», в которых, помимо прочего, делалась ставка и на развитие сотрудничества с бывшими местными религиозными деятелями. Как говорил литературный критик О. Брик: «Лучшие антирелигиозники – это бывшие попы и монахи, и никто лучше их не знает “тайн” церквей и монастырей» [Брик, 2015, 21].

В-третьих, советское антирелигиозное кино 1920–1930-х гг. не являлось однородным, оно объединяло разных по своей творческой индивидуальности режиссёров, было документальным и художественным. При создании антирелигиозных картин предлагалось выработать некую общую линию – режиссёров призывали пересмотреть принципы немого кинематографа, опиравшегося на беллетристику, а также в известной мере на театр, цирк и балаган [Разлогов, 2011, 14]. С одной стороны, стремление развлечь публику, с другой, отразить в фильме идею классовой борьбы, – привели к востребованности в антирелигиозных фильмах конца 1920-х – начала 1930-х гг. развлекательных и детективных сюжетов, построенных на поиске врагов народа (кулаков в лице священнослужителей). Однако видимые на экране зрителями упрощённые образы «святых» и «попов», достигаемые за счёт контраста (монтажа двух разнонаправленных сцен), комических, театральных эффектов, к примеру, в фильмах «Чудотворец», «Сектанты» [Головнева, Головнев, 2022], «Иуда», сатирических изображений – в картине «Праздник святого Йоргена», использования ускоренных документальных кадров – в сцене шаманства в фильме «Игденбу» [Головнев, Головнева, 2022], фарсовой подачи материала о раскольниках-беспопвах в фильме «Бегствующий остров» и т.д. – часто порождали противоположный эффект – эффект «лживого» антирелигиозного кино.

Исходя из этого, методика создания антирелигиозных фильмов к началу 1930-х гг. всё больше стала ориентироваться на исключение по возможности интриговой фабулы и организацию материала по принципу документальной (с игровыми элементами по мере необходимости) хроникально-протокольной фильмы. О роли кинохроники в фильме говорили многие кинодеятели [Болтянский, 1926, 19; Пиотровский, 2011, 186; Петров-Бытов, 1929, 8]. Некоторыми критиками было прямо заявлено, что в показе антирелигиозных фильмов следовало придерживаться *кино-документальности* – *реализма*, «жуткого и потрясающего, поданного с простотой» [Болтянский, 1926]. Как отмечал пропагандист Н. Шагурин: «Нам нужен специально антирелигиозный, художественный, идейно выдержанный фильм, сделанный без вычурности и исканий, но и без упрощенства и примитива... Кадры, построенные на бытовом, «из жизни» материале, принимают стопроцентную убедительность и иллюстрируют слова лектора» [Шагурин, 1934, 8]. Кроме того, хроника хорошо покупали и смотрели за границей, где она могла агитировать за первую рабоче-крестьянскую страну. Как результат, многие антирелигиозные картины стали строиться по принципу особого жанра – «художественной документалистики», или документально-образного кино (Д. Вертов), сочетающего в себе игровое и документальное, хроникальное начала.

В-четвёртых, производство и демонстрация антирелигиозного кино 1920–1930-х гг. в СССР должны были быть дополнены также производством и показом этнографических, «антиалкогольных» и научно-популярных (научных) картин. Эт-

нографические и научные фильмы выполняли, в первую очередь, дидактическую функцию, разъясняя и комментируя деревенскому зрителю непонятные фрагменты из антирелигиозных кинолент [Полтевский, 1930, 4]. Этнографические картины конца 1920 – начала 1930-х гг. («Купол ислама», «Джим Шуантэ», «Иверия», «Малоземельская тундра», «Тумгу», «Страна Нахчо», «Советский Казахстан», «По Средней Азии», «По Туркмении и Бухаре с кино-аппаратом», «Калмыки», «Неведомая земля», «На реке Агане», «На стыке двух миров», «Талыши», «Монголия») изображали быт отдалённых советских областей и помогали наглядно представить «тормозящую роль религии в деле социалистического переустройства быта отсталых национальностей Союза» [Кефала, 1932, 42]. Для показа следовало выбирать фильмы, материал которых был взят из быта данной народности. Например, для кочевников с анимистическими представлениями решительно не подходили фильмы вроде картин «Праздник Св. Йоргена» или «Овод».

Относительно создания «антиалкогольных» лент следует отметить, что антирелигиозная и антиалкогольная кампании в СССР в 1920–1930-е гг. разворачивались параллельно. С одной стороны, здесь присутствовала установка на то, что сами суеверия и религиозные обряды стоят в одном ряду с пьянством и невежеством, и само отправление религиозных обрядов и церковных праздников связано с употреблением алкоголя. С другой стороны, «антирелигиозный кинематограф, особенно соединённый с социалистическим государством», выступал, по выражению Л. Троцкого, «мощным соперником кабаку» [Троцкий, 2011, 102]. Как итог проводимой кампании против пьянства и «мракобесия» в конце 1920-х – начале 1930-х гг. появились такие «антиалкогольные» картины, как «Алкоголь, труд и здоровье», «За ваше здоровье», «Пьянство и его последствия», «Наш старый враг», «Твёрдый характер», демонстрируемые на экране наряду с антирелигиозными фильмами.

На фильмы же научно-популярного характера («Ведьма», «Гроза», «Жизнь моря», «Жизнь и устройство человеческого тела», «Загадка жизни», «Зарождение и развитие человека», «Кого нужно омолаживать?», «Любовь к природе», «Механика головного мозга», «Морока», «Небо и земля», «Омоложение», «Операция д-ра Воронова», «Проблема питания») возлагалась миссия по «десакрализации» природы и подведению научно-объяснительной базы (материалистических принципов естествознания) под многообразие происходивших в мире процессов. В газете «Кино» (1928) говорилось: «Пусть кино-агитаторы Запада пытаются убеждать рабочие массы “художественными” орлеанскими девами и страданиями святых мучеников, – мы же должны противопоставить этим бредням проводимое через кино научное мировоззрение» [Кино, 1928; Антирелигиозная пропаганда, 1925, 19]. Отдельно отмечалась в антирелигиозной пропаганде роль научно-популярных фильмов, которые, используя особые формы, блестяще могут показать «работу ветра, солнца, воды, силы и богатства химические и минеральные, животные и растительные» [Сухаревский, 1930]. В этом ряду, в частности, особо был отмечен фильм «Саламандра» (1928) режиссёра Г. Рошаля, рассказывающий об опытах, проводившихся над саламандрами австрийским биологом-материалистом и дарвинистом, который был «затравлен» за свои взгляды на Западе и нашёл спасение в стране Советов.

Наконец, предлагалось развить новый метод пропаганды – «антирелигиозные кинопередвижки» [Шагурин, 1934], заинтересовывающий массу и доступный по форме (беседа, пояснение, оформление на бытовом материале). Антирелигиозная пропаганда должна была отличаться динамичностью, а фильм необходимо было включить в тот местный и сиюминутный контекст, благодаря которому он стал бы для зрителя более понятным. Н. Шагурин отмечал: «Работники антирелигиозной кинопередвижки не должны быть сухими книжными червями, изображать из себя “мудрецов” и ошарашивать крестьянина потоком мудрёных “измов” – их задача всемерно популяризовать знания, быть не только пропагандистами, но и энтузиастами в борьбе за новую жизнь» [Шагурин, 1934, 18]. Сама демонстрация антирелигиозной картины, особенно для деревенского зрителя, должна была превратиться в спектакль. Фильм следовало сопровождать дополнительными практиками для усиления эффекта агитационной работы и разъяснения киноязыка (кино-лекция, выставка, экскурсия, вечер вопросов и ответов) [Полтевский, 1930, 5].

Поиск верного кинооформления требовал использования также специальных вербальных средств. По словам Г. Болтянского, «умение придать надписи необходимую кинематографическую краткость и выразительность при достаточности сообщаемых сведений, является большим мастерством... В темовых картинах на первый план выступает манера надписей и её стиль» [Болтянский, 1926, 52]. Так, популярным методом сопровождения игровых и документальных антирелигиозных фильмов стало пояснение репликами. В первую очередь приветствовалось использование пословиц (как в самом фильме, так и в речи лектора), «житейской мудрости» – краткого, доступного и проверенного опытом средства воздействия, служащего значимым аргументом в демонстрации антирелигиозной фильма [Олещук, 1929].

Методические разработки для чтения кино-лекций составлялись по аналогии с монтажным сценарием для кинокартины и были оформлены в виде таблиц: кинофрагменты в одной из колонок соответствовали тексту, который должен произносить лектор, и описанию предполагаемой реакции публики. Афиши антирелигиозной фильма строились на монтаже, позволявшим кратко и в то же время ёмко сформулировать сообщение и сформировать у зрителя ценностный образ. К примеру, пропагандист А.Н. Полтевский в 1930 г. предложил использовать для рекламы антирелигиозных фильмов афишу, смонтированную из кадров фильмов «Опиум» (сцена в психиатрической лечебнице (дом умалишённых)), «Сектанты» (сцена свадьбы, сцена с калеками, кадр «Ложе Богородицы», «Христос»), рисунков Дени и Моора в газетах, Ганфа, Черемных, Козлинского в журналах «Лапость», «Прожектор», «Крокодил», «Безбожник у станка» [Полтевский, 1930, 6]. Всё это позволяет реконструировать демонстрацию антирелигиозного фильма как особого кинематографического зрелища, сопровождаемого гидом, который одновременно дополняет его и контролирует восприятие зрителем.

Заключение

Таким образом, в 1920–1930-е гг. в раннесоветском кинематографе происходила активная работа в области разработки методики производства и кинооформления антирелигиозной фильма, в том числе, в рамках предложенного в годы «культурной революции» проекта «Киноатлас СССР» (1928–1932), демонстрировавшего на экране социалистические преобразования среди этнографических и религиозных групп Союза. Теоретические и практические поиски в области антирелигиозного кинематографа, осуществлявшиеся как режиссёрами (Г. Болтянским, А. Терским, А. Довженко, А. Роомом и др.), так и антирелигиозниками-пропагандистами (М. Кефалой, А. Полтевским, Ф. Олещук, Ф. Путинцевым, Л. Сухаревским, Н. Шагуриным И. Элиашевичем), свидетельствуют о достаточно активном развитии визуально-антропологического знания на российской почве. Эти поиски, безусловно, происходили в контексте изучения западных аналогов антирелигиозного кино, но имели свою специфику, свою почву, связанную с самобытностью развития кинотворчества в Советской России.

Как показал проведённый анализ, методика кинооформления антирелигиозного фильма 1920-х – 1930-х гг. включала в себя: марксистско-диалектическое учение в качестве основания кинопроизводства, проведение экспедиционной работы и профессиональное научное консультирование, выработку нового киноязыка, предполагавшего исключение по возможности интриговой фабулы и организацию материала по принципу документальной (с игровыми элементами) хроникально-протокольной фильма, развитие жанра «художественного документализма», дополнение антирелигиозных фильмов производством и показом этнографических, «антиалкогольных» и научно-популярных (научных) картин, расширение нового метода пропаганды – «антирелигиозных кинопередвижек», сопровождаемых дополнительными практиками для усиления эффекта агитационной работы и разъяснения киноязыка (лекция, выставка, диспут, игра и др.).

Благодаря поискам в сфере производства и кинооформления антирелигиозного материала антирелигиозные фильмы 1920-х – 1930-х гг. сформировались как уникальное и интересное явление. Они сочетали в себе «прозаическое» (буквальное отражение нового быта) и «поэтическое» начала (дань кино-авангардному искусству), большевистскую агитку и научно-просветительское знание, развлекательные

(даже – шоковые) эффекты и повествовательность, зрительный образ и словесно-логический материал. Как свидетельствуют источники, при создании антирелигиозных фильмов в СССР кинематографисты больше, чем в других странах, уделяли внимание монтажному искусству, переосмыслявшему хронику прошлого и настоящего на основе нового мировоззрения и новой социальной действительности. В антирелигиозном кино 1920-х – 1930-х гг. больше, чем в каком-либо другом виде раннесоветского кинематографа, присутствовали дополнительные средства его репрезентации и адаптации к уровню аудитории в виде комментариев, лекций, диспутов, выставок (оформленных с помощью пропагандистских плакатов, лозунгов) вплоть до научно-методологических исследований. Антирелигиозное кино в 1920-е – 1930-е гг. было основано на активной вовлечённости зрителя, устанавливало особый тип коммуникации (автор-лектор-зритель) и, вследствие этого, стало предметом бурного методологического обсуждения в печати как одно из самых сильных орудий визуальной пропаганды. Всё это позволяет говорить об антирелигиозном фильме 1920-х – 1930-х гг. как о многослойном визуально-антропологическом источнике, требующем дальнейшего изучения.

Благодарность

Исследование выполнено за счёт гранта РФФИ № 21-18-00518, <https://rscf.ru/project/21-18-00518/>

Acknowledgement

This research was supported by the Russian Science Foundation (RSF) as a part of the project № 21-18-00518, <https://rscf.ru/en/project/21-18-00518/>

Библиографический список

1. Антирелигиозная пропаганда. Материалы по организации и методике пропаганды безбожия. – Тула, 1925.
2. Аринин, Е.И. Вторжение религии в советский кинематограф: между «волшебным» и «вечностью» / Е.И. Аринин // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – 2017. – № 3. – С. 311–321.
3. Беляев, С. Антирелигиозная ли? / С. Беляев // Кино и жизнь. – 1930. – № 3 (Январь, 21). – С. 2.
4. Болтянский, Г.М. Кинохроника и как ее снимать / Г.М. Болтянский. – М.: Кинопечать, 1926. – 75 с.
5. Брик, О.М. Фото и кино / О.М. Брик. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. – 103 с.
6. Бродянский, Б. Национальный вопрос и кинематография / Б. Бродянский // Кино-фронт. – 1930. – Ноябрь, 7. – С. 2.
7. Головнев, И.А. «Киноатлас СССР»: история проекта / И.А. Головнев // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. – 2020. – № 38. – С. 12–23.
8. Головнев, И.А. Шаманизм в советском антирелигиозном кинематографе 1920–1930-х гг. (на примере фильма «Игденбу» Амо Бек-Назарова) / И.А. Головнев, Е.В. Головнева // Этнография. – 2022. – № 3 / 17. – С. 197–219.
9. Головнева, Е.В. Антирелигиозный фильм Анатолия Терского «У сектантов» (1930) / Е.В. Головнева, И.А. Головнев // Религиоведение. – 2022. – № 1. – С. 147–156.
10. Гурьянов, П.С. Антирелигиозная борьба большевиков в 1920–1930-е гг. при помощи кино / П.С. Гурьянов // Общество: философия, история, культура. – 2018. – № 8 (52) – С. 131–135.
11. Довженко, А. В ногу со временем / А. Довженко // История отечественного кино. Хрестоматия / Рук. проекта Л.М. Будяк. – М.: «Канон», 2011. – С. 206–208.
12. Знаменский, Ю. Надо создать «Киноатлас СССР» / Ю. Знаменский // Кино-фронт. – 1930. – № 9. – Март, 16. – С. 2.
13. Кефала, М.Н. Как организовать антирелигиозный кино-вечер / М.Н. Кефала. – М.: Роскино, 1932. – 52 с.
14. Кино на безбожный фронт // Кино. – 1930. – № 18 / 419. – С. 1.
15. Кино на борьбу с религией // Кино. – 1928. – № 52 / 278. – С. 3.
16. Кино против религии // Кино – 1928 – № 44 – С. 3.
17. Коробков, Н. Киноатлас СССР / Н. Коробков // Советское краеведение. – 1933. – № 2. – С. 15–20.

18. Лебедев, Н.А. Внимание: кинематограф! / Н.А. Лебедев – М.: «Искусство», 1974. – 437 с.
19. Лучшев, Е.М. Антирелигиозная пропаганда в СССР: 1917–1941 гг. / Е.М. Лучшев – СПб.: «Инф-техн. агенство Ритм», 2016. – 364 с.
20. Маторин, Н.М. Об изучении религиозных верований народов СССР / Н.М. Маторин // Антирелигиозник. – 1934. – № 5. – С. 28–33.
21. На штурм религии // Кино. – 1930. – № 23 /352. – С. 1.
22. Олещук, Ф. Кино – на антирелигиозном фронте / Ф. Олещук // Кино. – 1929. – № 18–19 (294). – С. 2.
23. «Отец Сергей» к Рождеству // Кино. – 1928. – № 52 (278). – С. 2.
24. Петров-Бытов, П. У нас нет советской кинематографии / П. Петров-Бытов // Жизнь искусства. – 1929. – № 17. – С. 8.
25. Пиотровский, А. Художественные течения в советском кино / А. Пиотровский // История отечественного кино. Хрестоматия / Рук. Проекта Л.М. Будяк. – М.: «Канон», 2011 – С. 178–189.
26. Полтевский, А.Н. Антирелигиозная фильма: Справочно-метод. пособие по работе с антирелигиозной фильмой в клубе и избе-читальне / А.Н. Полтевский. – М: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1930. – 32 с.
27. Путинцев, Ф. Кулацкое светопредставление. (Случай помешательства и массового религиозного психоза на почве кулацко-провокационных слухов о «конце света».) / Ф. Путинцев. – М.: Акц. издат. о-во «Безбожник», 1930. – 82 с.
28. Разлогов, К.Э. Мировое кино. История искусства экрана. / К.Э. Разлогов. – М.: Эксмо, 2011. – 688 с.
29. Роом, А. За культурфильму реконструктивного периода. Делаем вызов научным работникам / А. Роом // Кино-фронт. – 1930. – № 5, Июнь. – С. 2.
30. Спутник безбожника по Ленинграду / Сост. И.Я. Элиашевич. – Л.: Прибой, 1930. – 69 с.
31. Степанов, В. Кино и антирелигиозная пропаганда / В. Степанов // Антирелигиозник. – 1928. – № 5. – С. 19–23.
32. Сухаревский, Л. Кино на антирелигиозном фронте / Л. Сухаревский // Кино. – 1930. – № 52 /276. – С. 3.
33. Троцкий, Л. Водка, церковь и кинематограф / Л. Троцкий // История отечественного кино. Хрестоматия. / Рук. проекта Л.М. Будяк. – М.: «Канон», 2011. – С. 100–103.
34. Устав Союза воинствующих безбожников. – М., 1930. – 8 с.
35. Шагурин, Н.Я. Безбожное кино в деревне: Методика и практика антирелигиозной пропаганды через кино / Н.Я. Шагурин. – М.: Теакинопечат, 1930. – 80 с.
36. Шахнович, М.М. Идеология и наука: Изучение религии в эпоху культурной революции в СССР / М.М. Шахнович, Т.В. Чумакова. – СПб.: Наука, 2016. – 367 с.

Текст поступил в редакцию 12.01.2023.

Принят к печати 13.03.2023.

Опубликован 28.09.2023.

References

1. *Antireligioznaja propaganda. Materialy po organizacii i metodike propagandy bezbozhija* [Anti-religious propaganda. Materials on the organization and methodology of propaganda of atheism]. Tula, 1925 (in Russian).
2. Arinin E.I. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina* [Bulletin of the Leningrad State University. A.S. Pushkin]. 2017, no. 3, pp. 311–321 (in Russian).
3. Beljaev S. *Kino i zhizn'* [Cinema and life], 1930, no.3, p. 2 (in Russian).
4. Boltjanskij G.M. *Kinohronika i kak ee snimat'* [Newsreel and how to shoot it]. Moscow: Kinopechat', 1926, 75 p. (In Russian).
5. Brik O.M. *Foto i kino* [Photo and cinema]. Moscow: Ad Marginem Press, 2015, 103 p. (In Russian).
6. Brodjanskij B. *Kino-front*. November 7, 1930, p. 2 (in Russian).
7. Golovnev I.A. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologija i iskusstvovedenie* [Bulletin of Tomsk State University. Cultural studies and art history]. 2020, no. 38, pp. 12–23 (in Russian).
8. Golovnev I.A., Golovneva E.V. *Jetnografija* [Ethnography]. 2022, no. 3 /17, pp. 197–219 (in Russian).
9. Golovneva E.V., Golovnev I.A. *Religiovedenie* [Study of Religion]. 2022, no. 1, pp. 147–156 (in Russian).
10. Gur'janov P.S. *Obshhestvo: filosofija, istorija, kul'tura* [Society: philosophy, history and culture]. 2018. no. 8 (52), pp. 131–135 (in Russian).
11. Dovzhenko A. *Istorija otechestvennogo kino. Hrestomatija* [History of national cinema. Reader]. Manual. project L.M. Budjak. Moscow: "Kanon", 2011, pp. 206–208 (in Russian).
12. Kefala M.N. *Kak organizovat' antireligioznyj kino-vecher* [How to Organize an Anti-Religious Movie Night]. Moscow: Roskino, 1932, 52 p. (In Russian).

13. *Kino* [Cinema]. 1928, no. 52 (278), p. 3 (in Russian).
14. *Kino* [Cinema]. 1928, no. 44, p. 3 (in Russian).
15. *Kino* [Cinema]. 1928, no. 52 (278), p. 2 (in Russian).
16. *Kino* [Cinema]. 1930, no. 18 (419), p. 1 (in Russian).
17. *Kino* [Cinema]. 1930, no. 23 (352), p. 1 (in Russian).
18. Korobkov N. *Sovetskoe kraevedenie* [Soviet local history]. 1933, no. 2, pp. 15–20 (in Russian).
19. Lebedev N.A. *Vnimanie: kinematograf!* [Attention: Cinema!] Moscow: “Iskusstvo”, 1974, 437 p. (In Russian).
20. Luchshev E.M. *Antireligioznaja propaganda v SSSR: 1917–1941 gg.* [Anti-religious propaganda in the USSR: 1917–1941]. St. Petersburg: “Inf-tehn. agenstvo Ritm”, 2016, 364 p. (In Russian).
21. Matorin N.M. *Antireligioznik* [Anti-religious]. 1934, no. 5, pp. 28–33 (in Russian).
22. Oleshchuk F. *Kino* [Cinema]. 1929, no. 18–19 (294), p. 2 (in Russian).
23. Petrov-Bytov P. *Zhizn’ iskusstva* [The Life of Art]. 1929, no. 17, p. 8 (in Russian).
24. Piotrovskij A. *Istorija otechestvennogo kino. Hrestomatija* [History of national cinema. Reader]. Manual. project L.M. Budjak. Moscow: “Kanon”, 2011, pp. 178–189 (in Russian).
25. Poltevskij A.N. *Antireligioznaja fil’ma* [Anti-religious film]. Moscow: Gos. izd-vo hud. lit-ry, 1930, 32 p. (In Russian).
26. Putincev F. *Kulackoe svetopredstavlenie (Sluchai pomeshatel’sтва i massovogo religioznogo psihoza na pochve kulacko-provokacionnyh sluhov o “konce sveta”)* [Kulak light show (Cases of insanity and mass religious psychosis on the basis of provocative kulak rumors about the “end of the world”)]. Moscow: “Bezbozhnik”, 1930, 82 p. (In Russian).
27. Razlogov K.Je. *Mirovoe kino. Istorija iskusstva jekrana* [World cinema. History of screen art]. Moscow: Eksmo, 2011, 688 p. (In Russian).
28. Room A. *Kino-front*. 1930, no. 5, p. 2 (in Russian).
29. *Sputnik bezbozhnika po Leningradu* [Satellite of an atheist in Leningrad]. Ed. I.Ia. Ėliashevich. Leningrad: Priboj, 1930, 69 p. (In Russian).
30. Stepanov V. *Antireligioznik* [Anti-religious]. 1928, no. 5, pp. 19–23 (in Russian).
31. Suharebskij L. *Kino* [Cinema]. 1930, no. 52 /276, p. 3 (in Russian).
32. Trockij L. *Istorija otechestvennogo kino. Hrestomatija* [History of national cinema. Reader]. Manual. project L.M. Budjak. Moscow: “Kanon”, 2011, pp. 100–103 (in Russian).
33. *Ustav Sojuza voinstvujushhh bezbozhnikov* [Charter of the Union of Militant Atheists]. Moscow, 1930, 8 p. (In Russian).
34. Shagurin N.Ja. *Bezbozhnoe kino v derevne: Metodika i praktika antireligioznoj propagandy cherez kino* [Godless Cinema in the Village: Methods and Practice of Anti-Religious Propaganda through Cinema]. Moscow: Teakinopechat’, 1930, 80 p. (In Russian).
35. Shakhnovich M.M., Chumakova T.V. *Ideologija i nauka: Izuchenie religii v jepohu kul’turnoj revoljucii v SSSR* [Ideology and Science: The Study of Religion in the Era of the Cultural Revolution in the USSR]. St. Petersburg: Nauka, 2016, 367 p. (In Russian).
36. Znamenskij Ju. *Kino-front*. 1930, no. 9, p. 2 (in Russian).

Submitted for publication: January 12, 2023.

Accepted for publication: March 13, 2023.

Published: September 28, 2023.